

УДК 811.161.2'276.62

С. Д. ШЕЛОВ, В. М. ЛЕЙЧИК
(Москва, Россия)

**ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКАЯ НОРМА
В ОСВЕЩЕНИИ РОССИЙСКИХ ЛИНГВИСТОВ
В ПЕРИОД 70—80-х ГОДОВ XX ВЕКА**

В работе представлена история соотношения лингвистики и терминоведения начиная с 30-х гг. XX века, анализируются взгляды на норму профессионального научно-технического общения и, более конкретно, на норму в терминологии. Материалом исследования служат публикации 70–80-х гг. XX века, когда соответствующая проблематика активно разрабатывалась в изданиях Института русского языка Академии наук СССР. Отмечается, что общее движение в решении проблемы нормы терминологии шло в сторону известной “либерализации” и допустимости специфических форм профессиональной нормы и её известной автономности.

Ключевые слова: нормы научно-технического языка, терминологическая норма, языковая норма.

Задачей настоящей статьи является анализ взглядов на норму профессионального научно-технического общения и, более конкретно, на норму в наиболее информационно понятийно насыщенной части этого общения — на норму в терминологии. При этом нас будут интересовать как точки зрения на этот вопрос отдельных исследователей, так и тенденция их развития; материалом для подобного анализа нам будут служить публикации 70–80-х гг. XX века — периода, в течение которого соответствующая проблематика активно разрабатывалась и, в особенности, в изданиях Института русского языка Академии наук СССР. Список соответствующих публикаций содержится в Приложении 1.

Начиная с 30-х гг. прошлого века термин и терминология находились в зоне внимания отечественных лингвистов. Однако отношение лингвистов к этой части лексического состава языка менялось — от неприятия позиций нарождавшейся в то время научно-прикладной дисциплины — терминоведения до достижения консенсуса между лингвистами и терминоведами на организованном в 1981 г. Академией наук СССР всесоюзном семинаре “Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик”.

© С. Д. ШЕЛОВ, В. М. ЛЕЙЧИК, 2011

До упомянутого семинара пути лингвистики и терминоведения шли почти параллельно, пересекаясь в основном на терминологических форумах, проводимых, как правило, по инициативе лингвистов: в 1959 г., в 1967 г. (в Ленинграде), в 1974 г. (также в Ленинграде), в 1981 г.

За это время терминоведение прошло достаточно большой путь (начало ему было положено еще в XIX веке, когда создавались терминологические словари). Однако именно в 30-е гг. XX в., первоначально в Австрии в трудах крупного ученого Ойгена Вюстера, а вскоре и в Советском Союзе, в статьях и докладах инженера по образованию Дмитрия Семеновича Лотте, в книгах государственного и общественного деятеля эсперантиста Эрнеста Карловича Дрезена (к сожалению, арестованного и расстрелянного, так что его труды стали доступны гораздо позднее), формировалось терминоведение, возникшее в недрах лингвистики, точнее, лексикологии, и ставшее самостоятельной областью знаний и деятельности.

Активная работа Д. С. Лотте протекала в созданной по его инициативе в 1934 г. Комиссии по технической терминологии, преобразованной затем в Комитет научно-технической терминологии АН СССР (КНТТ), бесменным ученым секретарем которых он был до своей смерти в 1950 г. (характерно, что председателями КНТТ всегда были крупные ученые — отнюдь не лингвисты, а металлурги, горняки, специалисты по информатике). Д. С. Лотте разработал около 15 так называемых требований к термину (в частности, требования точности, однозначности, наличия дефиниции, отсутствия у него экспрессивно-эмоциональных моментов и т. п.). Список этих требований представлен в Приложении 2, а сами они анализируются в работе [Приложение 1, 2].

По существу, эти требования были первой формулировкой *терминологической нормы*, и вполне понятно, что лингвисты, признавая термины словами или словосочетаниями развитых национальных языков и традиционно тратя значительные усилия на исследование синонимии, омонимии, многозначности лексических единиц литературного языка, не так легко могли примириться с линией на изгнание соответствующих явлений из языка. Кроме того, и в пятидесятых, и в шестидесятых годах (а иногда — даже в наше время) не полностью осознавалась *сфера применимости результатов различных процессов терминологической унификации и нормализации* — применимости терминологических стандартов, сборников нормативной терминологии, рекомендательных терминологических словарей, что также не способствовало взаимопониманию лингвистов и терминоведов. Справедливости ради, следует сказать, что сам Д. С. Лотте, всегда очень внимательно прислушиваясь к мнению лингвистов, писал, что реальные термины обладают “недостатками”, с которыми он и предлагал бороться в ходе так называемой нормализаторской работы с терминологией.

Тем не менее, школа, созданная Д. С. Лотте, просуществовала несколько десятилетий, и именно критерии оценки терминов и терминологий, разработанные Д. С. Лотте, сформулированные в качестве упомянутых требований к терминам, легли в основу деятельности КНТТ АН СССР при создании сборников рекомендуемых терминов, которых насчитывается более

120, и отражены в методическом пособии [Приложение 1, 2]. Важно подчеркнуть, что, хотя требования к терминам, разработанные Д. С. Лотте, неоднократно подвергались серьёзной критике как внутренне противоречивые, как не соответствующие природе языка и природе языковой коммуникации и т. п., вплоть до настоящего времени они не заменены чем-то принципиально отличным, но более актуальным для сегодняшнего дня. Более того, с небольшими изменениями эти “требования” были положены и в работу по подготовке терминологических стандартов в системе органов Госстандарта СССР (в настоящее время Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии) и действуют по сей день. В прошлом веке в мире было разработано и утверждено несколько тысяч государственных стандартов на термины и определения, в том числе в СССР — около 800.

Что же касается лингвистов, то до середины 60-х гг. XX века значительная их часть считала термины дальнейшей периферией лексического состава литературного языка несмотря на то, что количественный состав этой “периферии” всегда был более чем внушительный: уже к середине 60-х гг. XX века имелось, по меньшей мере, три миллиона химических терминов (это — по подсчетам известных химиков) и двух миллионов научных названий насекомых в рамках энтомологии. Лингвистов же, которые без предубеждения смотрели на терминологию, понимая, что в основном терминами “приращает” лексика современных развитых национальных языков, было сравнительно немного. К числу таких лингвистов можно бесспорно причислить О. С. Ахманову, В. В. Виноградова, Г. О. Винокура, Б. Н. Головина, А. С. Герда, В. П. Даниленко, А. А. Реформатского, П. Н. Денисова, В. Н. Прохорову, Л. И. Скворцова, А. В. Суперанскую, Т. С. Коготкову, Л. Л. Кутину, В. П. Петушкова и немногих других. Особое место в этом ряду принадлежит Г. О. Винокуру и А. А. Реформатскому: без ссылки на работы этих авторов (причем иногда это работы 1930-х гг.) в настоящее время не обходится ни одно серьёзное терминологическое исследование.

Разумеется, именно лингвисты занялись определением реального места терминов в лексике той эпохи. Так, в ежегодных выпусках “Новое в русской лексике” под редакцией Н. З. Котеловой по материалам прессы огромную часть занимали термины. Ленинградский лингвист В. П. Петушков опубликовал в 1972 г. статью “Лингвистика и терминоведение”, где он признал существование этой “образующейся науки”. Само название “терминоведение” было впервые произнесено с трибуны в 1967 году, появилось в печатных трудах того же В. П. Петушкова и Б. Н. Головина в 1969 г., а приобрело широкое распространение в 1973 г. после опубликования статьи В. М. Лейчика и И. П. Смирнова [19]. Правда, необходимо констатировать, что, хотя значительная доля вопросов, находящихся в сфере интересов терминоведения, не является лингвистической, до сих пор некоторые лингвисты не признают ни правомерности такого наименования, ни даже существования терминоведения как самостоятельной научной дисциплины (такова, в частности, позиция А. В. Суперанской).

В то же время часть специалистов, включая и лингвистов, как было сказано, продолжала исследовать терминологический материал, причем рас-

ширению масштабов лингвистической работы на терминологическом материале способствовал ряд терминологических совещаний и конференций конца 50–60-х гг. прошлого века. Так, в 1959 г. состоялось первое терминологическое совещание, которое открыл вступительным словом акад. В. В. Виноградов (материалы этого совещания были опубликованы в сборнике “Вопросы терминологии” (М., 1961)). К сожалению, доклады лингвистов, которые не занимались нормализаторской терминологической работой и не работали в КНТТ или в системе Госстандарта (как, скажем, Н. К. Сухов или Т. Л. Канделаки), в основном содержали критику школы Д. С. Лотте и по-прежнему рассматривали признаки терминов в качестве отклонений от литературной нормы. Впрочем, уже на совещании 1967 г. в двух докладах прозвучала содержательная критика положений школы Д. С. Лотте, после чего и в рамках самого терминоведения началась переоценка ценностей, приведшая потом к движению навстречу лингвистике.

Практически с начала 70-х гг. стали регулярно выходить сборники статей, в которых конструктивно сотрудничали Институт русского языка АН СССР, Институт языкознания АН СССР, КНТТ АН СССР, многие вузы страны, и выходу этих публикаций способствовала пришедшая в Институт русского языка В. П. Даниленко, ставшая одним из редакторов сборников, что продолжалось вплоть до конца 80-х гг. прошлого века. Ряд статей В. П. Даниленко был написан совместно с Л. И. Скворцовым. Значительна роль в сближении терминоведческой и лингвистической проблематики академика Г. В. Степанова и члена-корреспондента АН СССР С. Г. Бархударова. Публикации, изданные с конца 60-х до конца 80-х гг. прошлого века, в которых проблеме терминологической нормы уделяется значительное внимание, представлены в Приложении 1. Изучая содержание этих сборников, можно увидеть, как менялся подход к термину у лингвистов, как происходило сближение позиций терминоведов и языковедов.

Наиболее ярко этот процесс проявился в понимании терминологической нормы. Вообще говоря, это наименование охватывает целую систему правил, куда относится орфографическая, орфоэпическая, словообразовательная, лексическая, семантическая, грамматическая (в том числе, морфологическая и синтаксическая), а также фразеологическая и стилистическая нормы. То же, *mutatis mutandis*, касается, и системы терминологических норм. Если быть более точным, то здесь фигурирует система норм так называемых языков для специальных целей (ЯСЦ, или в английском варианте — *languages for specific purposes* — LSP), возникшая на Западе в 50–60-е гг. XX в. и развивающаяся у нас начиная с 70-х годов того же века, при том, что терминология понимается как главная составляющая лексики этих языков.

Начало разработки теории ЯСЦ (LSP) было положено книгой английского ученого (нефилолога) Т. Сейвори [23], а наиболее полное изложение теории ЯСЦ (LSP) содержалось в монографии Х. Сейгера, Д. Дангворта и П. Ф. Макдоналда [22]. В России во многом аналогичная проблематика в 60–70-х гг. XX века активно разрабатывалась в рамках исследований функциональных стилей (В. А. Аврорин, И. Р. Гальперин, М. Н. Кожина,

А. К. Панфилов, Ю. М. Скребнев, Д. Н. Шмелёв и др.) и так называемых подъязыков (см. публикации В. В. Раскина и Б. Ю. Городецкого), а несколько позднее, уже со второй половины 70-х гг., — и в русле изучения собственно языков для специальных целей (В. П. Даниленко, В. М. Лейчик, А. В. Суперанская и др.). Представление о состоянии работ по теме “Языки для специальных целей” в период 70–80-х гг. XX в. можно получить из работы В. П. Даниленко [13].

Сама же теория языков для специальных целей, как и теория языков науки и техники, выросла из функциональной стилистики, признающей в качестве одного из основных стилей научно-технический стиль. Так, возможность неоднозначной трактовки функциональных стилей — и как стилей, и как специальных подъязыков — отмечалась разными авторами. Одним из первых здесь был П. Н. Денисов, который ещё в сборнике 1970 г. утверждал: “...при изменении позиции наблюдателя язык научно-технической литературы может рассматриваться, с одной стороны, как ф у н к ц и о н а л ь н о - р е ч е в о й с т и л ь (выделено П. Н. Денисовым — *С. Ш., В. Л.*), замкнутый в пределах научной тематики, и, с другой стороны, как я з ы к н а у к и (выделено П. Н. Денисовым — *С. Ш., В. Л.*) (и далее: “Под вторым углом зрения язык научно-технической литературы рассматривается изолированно, в себе и для себя, как некоторая семиотическая система...”) [14, с. 85]). Разумеется, П. Н. Денисов не пишет о норме данного языка (или стиля), однако последовательное развитие идеи о “языке научно-технической литературы ... в себе и для себя” ставит вопрос и о норме функциональных стилей этого языка (научно-технического, делового, публицистического), и о соотношении этих норм с нормой литературного языка. Соответственно, позднее этот же вопрос может быть поставлен по отношению к норме подъязыков или языков для специальных целей.

Интересно, что идея множественности норм, которые характеризуют разные формы существования развитых национальных языков, совершенно независимо от вопросов научно-технического языка и стиля, в более позднее время становится все более настойчивой. Различают нормы в широком смысле как “традиционно и стихийно сложившиеся способы речи, отличающие данный языковой идиом от других языковых идиомов” (такое толкование нормы синонимично узусу) и нормы в узком смысле, т. е., согласно Л. П. Крысину, как “результат целенаправленной кодификации языка” [17, с. 5]. В рамках широкого понимания нормы различают и региональные, профессиональные и иные нормы, см., например, публикации [1; 2; 3]. Согласно работе одного из соавторов настоящей статьи [20], норма допускает даже три понимания: во-первых, как узус, во-вторых, как этап сосуществования неявных предпочтений и конкуренции синонимичных языковых знаков и, наконец, в-третьих, как кодифицированная норма. Чрезвычайно показательна с этой точки зрения работа В. А. Виноградова, в которой сделана попытка показать существование нескольких типов норм: а) эпинорм (собственно норм кодифицированного литературного языка), б) квазинорм (элементов идиолектов), в) топонорм (норм, свойственных локальным вариантам литературного языка), г) стратонорм

(норм социолектов, называемых иначе языками для специальных целей и включающих научные, технические, экономические, общественно-политические и другие подязыки) [8, с. 262–263] (характерно с этой точки зрения и понятие социолекта и его возможной нормы [4]).

Если говорить о терминологическом материале и нормализаторской работе, с ним связанной, норму в терминологии следует охарактеризовать именно как норму в узком смысле, как эпинорму (в понимании В. А. Виноградова) и добавить, что, в отличие от общеязыкового материала, статус норм здесь может быть существенно различен — от жестких норм в терминологических стандартах до более мягких (рекомендательных) — в сборниках нормативной научно-технической терминологии КНТТ и в рекомендательных словарях.

Возвращаясь к сборникам статей 70–80-х годов, посвященным лингвистическим аспектам термина и терминологии, нужно подчеркнуть, что вопрос о норме занимал в них важное место. В большинстве случаев утверждалось, что при создании и употреблении терминов нормы нарушаются. Естественно, при этом имелись в виду именно общелитературные нормы. Только при таком подходе мог появиться сборник, носящий название “Терминология и норма...” (1972 г.), где основная часть статей была посвящена критике терминологической деятельности Госстандарта, анализу орфографических ошибок на материале проектов терминологических ГОСТов. Следует напомнить, что отношение к этим явлениям в статьях упомянутых сборников 70-х гг. прошлого века менялось.

В первых сборниках при общем признании правомерности выпуска терминологических стандартов основной упор делался на различных ошибках, которые допускались составителями стандартов. Статей на эту тему было опубликовано очень много. Достаточно упомянуть статью, опубликованную в сборнике “Исследования по русской терминологии”, в которой автор-лингвист осуждает термин *серусодержащий* и требует соблюдения литературной словообразовательной нормы и, следовательно, применения термина *серосодержащий* [5]. Следует отметить, что и сама В. П. Даниленко была достаточно суровым рецензентом практически всех проектов стандартов на термины и определения.

Практика не всегда соответствовала настойчивым рекомендациям лингвистов, показывая жизненность ряда конструкций, нарушающих литературные нормы и, в частности, лексикализованных словосочетаний с использованием “формы винительного падежа” в терминах типа *серусодержащий*, что привело к созданию многих терминов по этой модели: *медьсодержащие (руды)*, *сульфатовосстанавливающие бактерии* и т. п.

В то же время В. П. Даниленко начала разрабатывать проблему специфики нормы в сфере терминологии. Уже в сборнике “Терминология и норма” (1972) она отмечает: “Беря за основу норму общелитературного языка, важно выявить те особенности в словоупотреблении и словообразовании, которые больше характерны для терминологии (хотя и связаны с общим направлением в развитии языка в целом) и потому могут быть расценены как профессиональные варианты нормы общелитературного языка” [10, с. 32].

Как мы видим, здесь уже вводится понятие профессионального варианта нормы, и именно как варианта нормы общелитературной.

Более подробно терминологическая норма рассматривается в статье В. П. Даниленко и Л. И. Скворцова “Нормативные основы унификации терминологии” [11]. В этой работе наряду с рассмотрением лингвистической нормативности термина авторы говорят о содержательной нормативности терминов, охватывающей содержательное соотношение термина (знака) и дефиниции соответствующего понятия, термина и реалии, а также о логической нормативности, под которой понимается правильность иерархии понятий, отражаемой в системе терминов, и т. п.

Для целей настоящей статьи эта работа имеет принципиальное значение в двух отношениях. Во-первых, она четко ставит вопрос о сферах действия результатов унификации и нормализации в терминологии. Так, говоря о терминологических стандартах, авторы пишут: “Необходимо сказать также о пределах распространения стандартизации терминологии. Ни в коей мере не умаляя ее смысла и значения, мы считаем, что стандартизация имеет довольно строгие границы своей компетенции, в которые собственно научная сфера употребления терминологии не входит и входить не может. ... в противном случае наука не сможет нормально развиваться” [11, с. 12]. Во-вторых, что еще более важно, от признания требования лингвистической адекватности термина (то есть соблюдения общелитературной нормы) авторы переходят к признанию “некоторой самостоятельности лингвистического критерия оценки термина”. Эта “самостоятельность” оценки зависит, по мнению авторов, от того, что терминология занимает центральное место, является семантическим ядром лексики языка науки, который признается функциональной разновидностью литературного языка на современном этапе. Именно “функциональная самостоятельность языка науки делает возможным при общей ориентации на закономерности образования и употребления слов в общелитературном языке появление самостоятельных тенденций терминообразования и терминопотребления, отличных от тенденций общелитературного языка. Это, в конечном счете, позволяет ввести понятие *профессионального варианта нормы*” (выделено авторами — С. Ш., В. Л.) [11, с. 15]. Этот принципиальный вывод в той же работе, уже через несколько страниц, иллюстрируется высказыванием, имеющим важнейшее практическое значение: “Нельзя с позиций общелитературных норм и представлений отвергать терминологические образования только на основании их необычности, непривычности, неблагозвучности и т.п.” [11, с. 22].

В дальнейшем сказанное последовательно проводится на русском профессиональном языковом материале с привлечением единиц, иллюстрирующих особенности профессиональной нормы как в сфере словообразования, так и в сфере орфоэпии. Так, в профессиональной норме словообразования, если угодно, в терминологической норме словообразования этими же авторами допускается: *дребезг* (не *дребезжание!*) наряду с *сжим*, *обжиг*, *взрез*, *выбег*, *растир*; *останов* (не *остановка!*) наряду с *расплав*, *перегруз*, *облов*, *унос*, *плав*, *опуск*; *задатчик*, *оброслость*, *обустройство*; *уголковый*, *гнойничковый*, *флажковый*; *адресность*, *страничность*, *водность*, *озерность*; *тер-*

*мобарокамера, электрокардиоскоп, антибиотикоустойчивость, электромусородробилка, спациоэлектрокардиограф, ультрасонотахиокардиоскоп; снохождение, сноговорение (наряду со сновидение); пóлик (днище в кабине автомобиля) и т. п. В профессиональной орфоэпической норме этими же авторами допускаются *грунты, искра́, компа́с, комплéкс, ла́вровый, атмóсфера, рудник, ветеринария́* и т. п.*

Признанию специфики профессионального варианта нормы (пока лишь как варианта литературной нормы!) авторы посвятили и ряд других совместных статей в 1980 и 1981 гг. в “Вопросах языкознания”, в “Русской речи”, в украинском журнале “Мовознавство”. В целом новое понимание нормы позволило несколько иначе оценить конкретные особенности терминообразования, которые сводятся “к максимальной специализации словообразующих морфем и даже целых моделей для выражения определенных значений, к увеличению регулярности определенных словообразовательных моделей, к формированию собственно терминологического словообразующего фонда и ряду других” [11, с. 7–8]. Наконец, признание допустимости профессионального варианта нормы в сфере терминологии приводит к уточнению и процессов упорядочения и стандартизации терминологии.

В дальнейшем взгляд В. П. Даниленко и Л. И. Скворцова на проблему нормы в сфере терминов получил дальнейшее развитие: доклад тех же авторов, опубликованный в сборнике 1983 г., так и называется: “Терминологическая норма (К проблеме типологии терминов)” [12]. И хотя в докладе говорилось, в основном, о терминах-словосочетаниях, о “терминах-описаниях”, и по-прежнему упоминается понятие профессионального варианта нормы, всё же авторы подчеркивают, что появление таких самостоятельных направлений работы с терминологией, как упорядочение и стандартизация отраслевых терминологий, широкое развитие специальной лексикографии все более убеждают исследователей в том, что проблему нормы необходимо рассматривать не только с чисто лингвистических позиций, но и как комплексный критерий оценки терминов (имеются в виду логические аспекты, в том числе построение дефиниций, учет проблемы вариантности терминов и др.) [12, с. 90–97].

Вопросы нормы применительно к терминам и терминологии рассматривались во многих книгах и статьях отечественных лингвистов того периода. Изучались отдельные аспекты или, если угодно, нормы на отдельных уровнях языка терминологических продуктов, поскольку, как было сказано, проблема терминологической нормы является сложной, комплексной, многоаспектной. Так, лексико-семантические особенности терминов были предметом внимания, по крайней мере, в шести статьях упомянутых сборников (например, статья [7]); грамматические особенности терминов — в восьми статьях (например, статья [6]), специфика словообразования — в девяти статьях (например, публикация [15]). Отдельно стоят статьи, в которых обсуждаются фонетические и орфографические аспекты терминов, в том числе, орфоэпические и орфографические ошибки создателей терминологических стандартов; таких статей было около десятка (см. в качестве

примера [9; 18]). Конечно, в сборниках 70–80-х годов было много статей, посвященных и другим аспектам изучения терминов: источникам формирования терминов, соотношению терминологии и лексики, относящейся к другим функциональным стилям, включая общеупотребительную лексику, допустимости вариантности в терминологии, но почти в каждой статье вопросы нормы профессионально-ориентированных текстов так или иначе затрагивались.

Итак, общее движение в решении проблемы нормы терминологии, по-видимому, шло в сторону известной “либерализации” и допустимости ее специфических форм и известной автономности.

Сказанное, однако, заставляет с новых позиций вернуться к следующим вопросам.

Следует ли опасаться случаев расхождения литературной нормы и нормы профессионального употребления и, в частности, нормы терминологической? Следует воспринимать подобные факты как угрозу расшатывания литературной нормы и, исходя из этого, порицать и стремиться не допускать любую нормализаторскую практику в области терминологии, закрепляющую случаи расхождения профессиональной и литературной нормы?

При всей настороженности по отношению к подобным случаям, при всей явной необходимости их тщательной проверки и взвешенной оценки, полагаем все же, что ответ на поставленные вопросы — отрицательный. Ограниченная и тематически, и адресно (ибо кодификация в области научно-технической терминологии обращена по преимуществу к специалистам или обучающимся специальности), ориентированная, прежде всего, на письменную речь и, главное, полностью производная от нормы литературной и ею обусловленная, терминологическая норма в случаях ее расхождения с нормой литературной более требует фиксации и изучения, нежели опасений в ее разрушающем воздействии на литературную норму. Как отмечает В. И. Беликов: “Вне всякого сомнения, русский язык является важным интегративным инструментом российского общества. Но чтобы эффективно им пользоваться, нужно иметь качественное представление о регистровой структуре русского языка и в нормативной, и в субнормативной части” [3, с. 52]. В этой связи уместно будет напомнить слова Д. Н. Шмелева, сказанные в связи с наблюдающимися отдельными фактами несовпадения литературной нормы и словоупотребления в художественных произведениях. Вот что он писал по этому поводу: “Для носителей развитых литературных языков, обладающих развитой литературно-художественной письменностью, представление о единстве литературного языка и его норм выступает как непреложный фактор, регулирующий их речевую деятельность. Осознание нелитературности отдельных речевых фактов в произведениях художественной литературы... не колеблет, а скорее утверждает ореол “общей языковой нормы”, поскольку даёт почувствовать ее границы и возможности отхода от нее — в рамках несомненной “литературности” всего речевого строя произведения” [21, с. 30–31]. Думаем, что сказанное тем более справедливо и по отношению к терминологической норме.

1. *Беликов В. И.* Сколько норм в русском языке? // Русский язык: исторические судьбы и современность: Междунар. конгр. русистов-исследователей: Труды и мат-лы. — М., 2001. — С. 23–38.
2. *Беликов В. И.* Стереотипы в понимании литературной нормы // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре. — М., 2009. — С. 339–359.
3. *Беликов В. И.* Языковая норма: новые и старые трещины на русскоязычном пространстве // Acta Philologica. Филологические записки [Эл. ресурс]. — М., 2007. — Вып. 1. — Режим доступа: <http://www.philol.msu.ru/~otipl/new/main/people/belikov.php>.
4. *Беликов В. И., Крысин Л. П.* Социоллингвистика: Учебник для студ. и асп. филол. ф-тов ун-тов. — Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 2004. — 265 с.
5. *Букчина Б. З.* Серасодержащий, серусодержащий или серосодержащий? // Исследования по русской терминологии / Отв. ред. В. П. Даниленко. — М., 1971. — С. 211–217.
6. *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Орфография и грамматика (на материале терминологической лексики) // Терминология и культура речи / Отв. ред. Л. И. Скворцов, Т. С. Коготкова. — М., 1981. — С. 135–156.
7. *Бутрим В. Е.* Особенности семантики терминов категории свойств // Современные проблемы русской терминологии / Отв. ред. В. П. Даниленко. — М., 1986. — С. 24–36.
8. *Виноградов В. А.* Лингвистика и обучение языку. — М., 2003. — 370 с.
9. *Воронова В. Л.* О специфике акцентуации терминов // Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). — М., 1982. — С. 197–210.
10. *Даниленко В. П.* Лингвистические требования к стандартизуемой терминологии // Терминология и норма (О языке терминологических стандартов) / Отв. ред. В. П. Даниленко. — М., 1972. — С. 5–32.
11. *Даниленко В. П., Скворцов Л. И.* Нормативные основы унификации терминологии // Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). — М., 1982. — С. 5–35.
12. *Даниленко В. П., Скворцов Л. И.* Терминологическая норма (К проблеме типологии терминов) // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. — М., 1983. — С. 81–90.
13. *Даниленко В. П.* Язык для специальных целей // Культура русской речи и эффективность общения / Отв. ред. Л. К. Граудина, Е. Н. Ширяев. — М., 1996. — С. 234–270.
14. *Денисов П. Н.* Ещё о некоторых аспектах изучения языков науки // Проблемы языка науки и техники: Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. — М., 1970. — С. 52–89.
15. *Дерябина А. С.* О прилагательных типа *однореверсный* // Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). — М., 1982. — С. 126–128.
16. *Кузьмин Н. П.* Нормативная и ненормативная специальная лексика. Проблемы и методы нормализации специальной лексики // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М., 1970. — С. 68–81.
17. *Крысин Л. П.* Русская литературная норма и современная речевая практика // Русский язык в научном освещении. — 2007. — № 2 (14). — С. 5–17.
18. *Кузнецова Л. Н.* О произношении терминов // Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). — М., 1982. — С. 192–196.
19. *Лейчик В. М., Смирнов И. П.* Области пересечения терминоведения и перевода научной и технической литературы // НТИ. — Сер. 1. — 1973. — № 12. — С. 30–33.
20. *Лейчик В. М.* Этапы формирования и закрепления языковой нормы // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Междунар. конгр. исследователей русского языка. Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, филол. фак-т, 20–23 марта 2010 года: Труды и мат-лы. — М., 2010. — С. 661–662.

21. Шмелёв Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. — М., 1977. — 168 с. (Раздел “Функциональные разновидности языка”, с. 42–79).
22. Sager J. C., Dungworth D., McDonald P. F. English special languages. Principles and practice in science and technology. — Wiesbaden, 1980. — 368 p.
23. Savory Th. H. The Language of Science. Its Growth, Character and Usage. — London, 1953. — 184 p.

Приложение 1

МОНОГРАФИИ И СБОРНИКИ, ОСВЕЩАЮЩИЕ ВОПРОСЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЙ НОРМЫ (70–80 гг. XX века)

1. Волкова И. Н. Стандартизация научно-технической терминологии. — М.: Изд-во стандартов, 1984. — 200 с.
2. Исследования по русской терминологии / Отв. ред. В. П. Даниленко. — М.: Наука, 1971. — 232 с.
3. Квитко И. С., Лейчик В. М., Кабанцев Г. Г. Терминоведческие проблемы редактирования. — Львов: “Вища школа”, 1986. — 152 с. (Раздел I. 2. Нормативные требования к термину и терминосистеме, с. 18–38).
4. Краткое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии / Отв. ред. В. И. Сифоров. — М.: Наука, 1979. — 129 с.
5. Культура речи в технической документации (на материале ГОСТов и специальной литературы). — М.: Наука, 1982. — 217 с.
6. Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. — М.: Наука, 1970. — 232 с.
7. Литературная норма и вариантность / Отв. ред. Л. И. Скворцов. — М.: Наука, 1981. — 271 с.
8. Проблематика определений терминов в словарях разных типов. — Л.: Наука, 1976. — 267 с.
9. Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. — М.: Наука, 1983. — 336 с.
10. Проблемы языка науки и техники: Логические, лингвистические и историко-научные аспекты терминологии. — М.: Наука, 1970. — 128 с.
11. Развитие терминологии на языках союзных республик / Отв. ред. К. М. Мусаев. — М.: Наука, 1986. — 270 с.
12. Современные проблемы русской терминологии / Отв. ред. В. П. Даниленко. — М.: Наука, 1986. — 197 с.
13. Терминология и норма (О языке терминологических стандартов) / Отв. ред. В. П. Даниленко. — М.: Наука, 1972. — 120 с.
14. Терминология и культура речи / Отв. ред. Л. И. Скворцов, Т. С. Коготкова. — М.: Наука, 1981. — 269 с.

Приложение 2

ТРЕБОВАНИЯ К ТЕРМИНУ СОГЛАСНО РАБОТЕ Д. С. ЛОТТЕ “Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики” М: Изд-во АН СССР; Наука, 1961. — 159 с.

1. Однозначность термина
2. Отсутствие синонимии
3. Отсутствие полисемии
4. Соответствие буквального значения термина его действительному значению
5. Системность (систематичность) термина
6. Краткость термина

7. Словообразовательная способность (Деривативность)
8. Лингвистическая правильность
9. Своеязычность терминов (Отсутствие заимствований среди терминов)
10. Внедренность термина
11. Фиксированное содержание
12. Точность термина
13. Произносимость и благозвучность термина
14. Отсутствие эмоционально-экспрессивной окраски
15. Дефинитивность

S. Shelov, V. Leitchik

TERMINOLOGICAL NORMS IN THE LIGHT OF RUSSIAN LINGUISTS
IN THE 70-80-IES OF THE XX CENTURY

The article deals with the history of inter-relations between linguistics and terminology science. Views on the terminological norm of professional communication in science and technology and, particularly, on the norms of the term usage are being analyzed in the light of Russian linguists in the 70-80-ies of the XX-th century. It is stressed that the general tendency showed off partial liberalization of terminological norms accompanied by acceptance of some specific forms in professional communication.

К е y w o r d s: norms of professional communication, norms of term usage, language norms.